

Хорошая книга тревожит сердце и будоражит память.

Несколько дней не выпускал я из рук книгу: «Лиля Брик — Эльза Триоле.

Неизданная переписка».

Будущие Эльза Триоле и Лиля Брик

СЕСТРЫ

Владимир НУЗОВ

Кто только не сетовал на исчезновение эпистолярного жанра! Телефон-де (а теперь и компьютер) этот жанр свел на нет.

А я люблю читать письма — не чужие, конечно, а в книжках. Много лет назад впервые попал мне в руки великолепный роман в письмах Вениамина Каверина «Перед зеркалом». А какое эпистолярное богатство оставил Пастернак! Он состоял в переписке с Мариной Цветаевой, Варламом Шаламовым, около 40 лет писал родителям за границу. Тысячи писем! Причем в них гений Пастернака проявляется не меньше, чем в стихах («Доктор Живаго» я так и не осилил).

А теперь о книге «Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка». Ее собрал Василий Васильевич Катанян, сын Василия Абгаровича Катаняна, последнего мужа Лили Брик. Собрать-то собрал, а подержать (как я) в руках не успел...

Для тех, кто не помнит: Лиля и Эльза вдохновляли двух едва ли не самых больших поэтов России и Франции минувшего века — Маяковского и Арагона. Были родными сестрами, родились в Москве в семье известного адвоката Урия Кагана. Эльза Триоле писала по-французски хорошие романы, получила Гонкуровскую премию. Ну а о Лиле, ее уме, вкусе, пронизательности Маяковский сказал однажды, как отрезал: «Лиля всегда права».

В одном из писем 30-го года Лиля пишет сестре: «Если бы мы (я или Ося) были в Москве, Володя бы не застрелился». Да ради одной этой строки стоит прочитать 600-страничную книгу! Ибо за ней — трагедия, предыстория этой трагедии: неудавшаяся выставка поэта, отказ ему в заграничной визе, решительное осуждение себя за то, что «славил то, чего не след поэту славить».

Я много знал и читал об этом, но вот Лиля пишет, что предсмертные его стихи вовсе не были предсмертными, а написаны за два года до гибели, и вместо «я с жизнью в расчете» он писал ей: «С тобой я в расчете».

Помню, как притягивало к себе прощальное письмо Маяковского, помещенное под стеклом витрины в музее в Лубянском проезде, написанное остро отточенным карандашом, каллиграфическим почерком. «Он стрелял, — пишет Лиля, — как игрок: револьвер был заряжен одной пулей». Был левша, стало быть, револьвер держал в левой руке.

И еще Лиля Юрьевна пишет: «Хорошо бы найти дочь Маяковского...» Помню, как в конце 80-х она приезжала в Москву — высокая, крупнолицая, с мясистым, как у отца, носом. Положила цветы на могилу отца, потом впервые смотрела — а я смотрел на нее! — фильм, в котором играл ее молодой отец (и Лиля играла): «Барышня и хулиган». Сейчас дочери Маяковского около 75, живет она, между прочим, в штате Нью-Йорк.

Сколько знаменитых людей ушедшего столетия было вовлечено в брико-триолевскую орбиту! Родион Щедрин и Майя Плисецкая, Константин Симонов и Лариса Жадова, академик Капица и Андрей Вознесенский. С французской стороны — Пабло Пикассо, Жерар Филипп, Ромэн Роллан.

Прожив в Париже всю сознательную жизнь и став известной писательницей, Эльза сохранила — уж не благодаря ли переписке с сестрой? — ароматный старомосковский язык.

Настоящую книгу закрываешь с сожалением, звонишь друзьям, делишься радостью. Мне гораздо лучше: я могу поделиться ею и с вами, уважаемые читатели.

Вег. Моск. в. 9. - 2001. - 3 мая. - с. 8